

Тот, кто когда-то клялся защищать каждую пядь его земли, вернулся в облике жестокого правителя варваров, восставшего против собственной родины. Сердце Бай Чжунъе обратилось в пепел; он не знал, как смотреть в глаза этому беспощадному призраку из прошлого.

Бай Чжунъе ненавидел Му Няньчэня за ложь и скрытность, проклиная те десять лет, что он провел в тоске, вглядываясь в холодный диск луны.

Он и не подозревал, через что пришлось пройти Няньчэню, чтобы внедриться в лагерь варваров. Избиения, пытки, бесконечная жестокость дикарей — всё это разительно отличалось от льстивых речей придворных в императорском дворце.

К счастью, Му Няньчэнь родился в семье полководцев и не был изнеженным сыном высокого чина. На шрамы, покрывавшие тело, и на сердечную боль он взирал с холодным презрением.

Одержав ту первую победу, Му Няньчэнь не вернулся домой. Скрыв свое имя, он под видом беженца десять лет терпел унижения в диких землях. Он закалял тело и дух, становясь правой рукой вождя варваров и покоря соседние мелкие царства.

Время летело, утекая сквозь пальцы, как вода. Быть может, он слишком долго пробыл среди дикарей, но во взгляде его поселилась небывалая прежде свирепость. Он стал холодным, как лед, убивал не моргнув и глазом и давно растерял ту чистоту, что была присуща ему в юности.

Неизменным оставалось лишь одно — образ А-Е, бережно хранимый в самой глубине души.

Му Няньчэнь никогда не забудет, как в восемь лет отец до крови исхлестал его плетью за проступок. Тогда моросил мелкий дождь, и маленький мальчик в белых одеждах внезапно вынырнул из-за чана с водой. С невинным видом он протянул ему несколько испачканных в грязи белых мантоу. Его бледное личико казалось совсем прозрачным.

— Ешь! — приказал он.

Маленький Няньчэнь, голодавший несколько дней, выхватил еду и принялся жадно поглощать её.

— Раз съел мои лепешки, признавай меня своим господином, — Чэ Жуйхэ, подражая детскому голосу, высокомерно вздернул подбородок.

Цзянь Линь ответил ему наивным, растерянным тоном:

— Ты кто?

— Я — Шестой принц.

— Шестой принц? Тот, что из Холодного дворца?

Опальный наследник, рожденный в заброшенных палатах.

Годы сменяли друг друга, и двое детей, разбросанных по разным краям горизонта, росли, словно дикая трава. Пока не вспыхнуло пламя войны и империя не рухнула. Юноша превратился в свирепого тигра, затаившегося в пещере, а Бай Чжунье стал волком в овечьей шкуре, лишь притворяющимся легкой добычей.

— Ты говорил мне, что ненавидишь бездушие императора Цзина, ненавидишь происхождение своей матери и холодные взгляды всего мира. Ты клялся, что я — единственный, кого ты любишь на этом свете.

Му Няньчэнь прильнул к шее пленника, обжигая её горячим дыханием:

— И вот я здесь. Я вернулся, став королем варваров. Я стою прямо перед тобой, а ты даже не желаешь на меня взглянуть?

Цзянь Линь сжал сценарий. Его голос, холодный до мозга костей, теперь принадлежал только Му Няньчэню:

— А-Е, неужели тебе не нравится то, что я сделал ради тебя? Я убил всех, кто причинял тебе боль. Стоит тебе только слово сказать, и я прикажу повесить голову этого старого хрыча на городских воротах на потеху всему миру.

— Я знаю, эти десять лет были для тебя несладкими. Но с завтрашнего дня ты станешь императором всего государства Цзин. Я буду защищать эти горы и реки для тебя, и никто больше не посмеет тебя обидеть. А-Е, ну улыбнись же! Десять лет... я сходил по тебе с ума все эти десять лет!

В голосе Цзянь Линя слышалось пугающее безумие.

Слушая эти реплики, Чэ Жуйхэ на мгновение потерял связь с реальностью. Голос Цзянь Линя был настолько убедителен, что стало трудно понять: стоит ли рядом с ним Си-Ви Цзянь Линь или тот самый невыносимый Му Няньчэнь из сценария.

Лишь когда он невольно поднял взгляд на партнера, наваждение рассеялось.

— Даже без тебя, Му Няньчэнь, я бы рано или поздно взошел на трон Цзин, — медленно произнес он, принимая эстафету. — Всё, что я делал, вело к этому результату. И мне не нужны для этого жизни стольких невинных людей.

Он перевел дух, воплощая в себе всю скорбь павшего наследника:

— Твои методы жестоки и подлы. Ты больше не мой А-Чэнь. Му Няньчэнь, я буду считать, что тот человек, которого я знал, давно мертв. А ты — лишь мятежник, захвативший мою землю и вырезающий мой народ. Вместо того чтобы оставлять меня в живых ради унижений, лучше убей меня сейчас! Так будет милосерднее!

— Убить тебя? — Цзянь Линь едва не закричал зубами. — Верный клинок не разит своего господина. Я обещал быть мечом в твоих руках до конца дней своих. Как я могу нарушить клятву?

Он прищурился, буквально выплевывая каждое слово:

— А ты? За те годы, что меня не было, разве ты сам не использовал самые гнусные средства, чтобы пробиться к титулу наследного принца?

— Первый принц отравлен, Второй — сослан на границы. Остальные гибли один за другим: кто — в собственной постели, кто — от позора. Даже седьмой брат, бывший еще в колыбели, не пережил зиму. Неужели ты скажешь, что твои руки чисты? В конечном счете, мы — лишь две одинаково жалкие твари!

«Они получили по заслугам».

Бай Чжунье безмолвно повторил эту мысль. Жестокость внутри него расцвела под градом ударов и унижений прошлого.

«Хлысть!»

«Ничтожество».

«Такой же бесполезный, как твоя мать. Будь ты проклят, отродье...»

— В императорской семье не бывает жизни без борьбы. Я лишь делал то, что сделал бы любой на моем месте, — лицо Бай Чжунье подернулось инеем. — Что касается седьмого брата, он был слаб от рождения и не вынес холодов. Я не прикладывал к этому руку.

— Какое благородство... Как ловко ты обеляешь себя.

Му Няньчэнь подался вперед, грубо просунув большой палец в рот Бай Чжунье, освобождая его искусанную до крови губу. Чэ Жуйхэ закусил палец партнера, имитируя приглушенные звуки борьбы.

Му Няньчэнь не отступал:

— Мне плевать на борьбу за трон и на короны! У меня с самого начала была лишь одна цель — защитить тебя!

Пальцы Чэ Жуйхэ дрогнули. В следующую секунду голос Цзянь Линя, нежный, словно чистая родниковая вода, вновь зазвучал в тишине:

— Ты ведь знаешь, А-Е. Каким бы коварным и одиноким я ни стал, всё это было лишь ради тебя одного.

— Ты не пленник. С завтрашнего дня ты — император государства Цзин, перед которым склонятся тысячи. А я навеки останусь твоим верным слугой. Один человек над мной, и никакой тени измены в сердце.

Вступила пронзительная музыка — плач флейты сяо и шэн сплелись в единую мелодию, подчеркивая трагизм момента.

— Я в туалет.

Чэ Жуйхэ, не говоря больше ни слова, сорвал с себя наушники и поспешно вышел, скрываясь за дверью.

Студия, в которой только что было двое, мгновенно опустела. Цзянь Линь медленно снял гарнитуру, глядя вслед ушедшему. Его взгляд был темным и обжигающим.

Он заметил это еще в тот момент, когда Чэ Жуйхэ встал: красные ободки вокруг глаз, которые тот пытался скрыть, и едва уловимую дрожь в голосе.

Цзянь Линь прищурился и тут же последовал за ним.

У раковины Чэ Жуйхэ судорожно плескал в лицо холодную воду. Волосы намокли, руки ледяными пальцами вцепились в фаянс, но краснота глаз не проходила.

В какой-то момент он не выдержал. Всхлип прозвучал в пустом помещении гулко и сиротливо.

Через некоторое время он почувствовал, что за спиной кто-то стоит. Цзянь Линь, высокий и спокойный, наблюдал за ним уже довольно долго.

— Похоже, тебе не так-то просто выйти из роли, как ты пытаешься показать, — вздохнул он.

— О чем ты вообще... — Жуйхэ поднял голову, яростно сверкнув глазами. — Иностранец чертов! Проваливай! Убирайся отсюда!

Неужели не видно, что он плачет?

Цзянь Линь на мгновение замер, а затем мягко усмехнулся. Он подошел ближе и, словно успокаивая ребенка, коснулся плеча Чэ Жуйхэ:

— Ладно тебе. Не расстраивайся так.

— Это мое дело, тебя не касается... — от этого мягкого, глубокого голоса Жуйхэ стало еще невыносимее.

Цзянь Линь поджал губы, сдерживая улыбку, но сохраняя джентльменскую серьезность:

— Одолжить тебе плечо?

Жуйхэ, не скрывая покрасневших глаз, оттолкнул его:

— Еще чего? Не нужно мне ничего.

Цзянь Линь грустно улыбнулся:

— Я отвезу тебя домой.

Чэ Жуйхэ замер. В голове пронеслись образы домашних: чопорные, давящие лица, их «милосердные», но на деле удушающие речи.

Он качнул головой:

— Я не поеду домой.

Заметив перемену в его лице, Цзянь Линь мягко добавил:

— Уже темнеет. Тебе нужно где-то переждать.

— Куда угодно, только не домой, — упрямо повторил Жуйхэ.

— Если директор Чэ не побрезгует... может, переночуешь у меня?

— У тебя?

Жуйхэ резко вскинул голову. Цзянь Линь смотрел на него внимательно.

Это было странное, необъяснимое чувство.

— Не стоит, — он вытащил телефон, намереваясь набрать знакомый номер, но в этот момент аппарат завибрировал сам — входящий от Лян Яня.

— Алло, Шигэ?

— Жуйхэ? Ты где сейчас? — голос Лян Яня звучал встревоженно. Было слышно, что он за рулем, на фоне доносился шум пробки и резкие гудки клаксона. — Да поедете вы сегодня или нет?! — рявкнул он кому-то снаружи.

— Что случилось, Шигэ? — нахмурился Жуйхэ.

— Ты, малец! Почему не доложил, что тебя вчера за шкуру домой притащили? Твой дед узнал, что ты снова сбежал, и уже отправил людей в Студию Создания Мечты.

Чэ Жуйхэ невольно сжал кулаки, глядя на себя в зеркало. Он знал, что это случится, но не думал, что так скоро.

— Скажи, где ты? Я сейчас заберу тебя. Пересидишь пару дней у меня.

— Я в студии, — Жуйхэ помедлил. — Шигэ, поезжай домой. Не впутывайся в это.

— Что?

Не дождавшись ответа, Жуйхэ сбросил вызов.

Если ждать Лян Яня, домашние успеют забрать его прямо здесь. На глазах у всех. Это будет такой позор, что Чэ Жуйхэ больше не сможет поднять головы. К тому же он и так уже подставил Сяо Дуна, нельзя втягивать еще и наставника.

Он привалился к холодной плитке и устало закрыл глаза.

— Я передумал.

— М-м?

— Господин Цзянь, заберите меня к себе, — он сделал паузу и добавил: — Хотя бы на одну ночь.

Цзянь Линь лишь улыбнулся в ответ, ничего не говоря.

Смеркалось. Серо-голубое небо окончательно затянуло густыми чернилами. Листья на деревьях тревожно шелестели, ветер свистел за окнами автомобиля, швыряя пыль в лицо случайным прохожим.

Поднималась буря.

Цзянь Линь мельком взглянул в зеркало заднего вида на то, как Жуйхэ трет глаза, и одним движением закрыл все окна. В салоне мгновенно стало уютнее.

— Сейчас сезон простуд, Жуйхэ, береги себя. Не хватай сквозняков, — заботливо произнес он.

— Называйте меня «директор Чэ», — Жуйхэ упрямо вздернул подбородок.

Никакого «Жуйхэ». Они что, старые друзья? Нужно соблюдать дистанцию.

Цзянь Линь плавно повернул руль, скрывая тень улыбки:

— Знаешь, я бы предпочел, чтобы вместо официального обращения ты называл меня по имени. Так я буду чувствовать себя чуть менее чужим.

Жуйхэ закатил глаза. Как будто они не чужие.

— Директор Чэ.

Тон Цзянь Линя внезапно стал серьезным, отчего у Жуйхэ екнуло сердце. Он снова посмотрел на него.

— Да?

— Можешь произнести мое имя?

Чэ Жуйхэ отвел взгляд. В душе поднялась какая-то странная волна, но лицо осталось бесстрастным.

— Цзянь Линь.

<http://bllate.org/book/17503/1650091>